
РАКУРСЫ

М.М. Мchedlova*

БУДУЩЕЕ КАК ПРЕДЧУВСТВИЕ (К ДИСКУССИИ О ХАРАКТЕРЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ)

Аннотация. В статье рассматриваются основные проблемы политической эпистемологии. Современное осложнение познавательных процедур, исчерпание традиционно действенных концептуальных подходов, трансформация смыслов и значений универсалий и политических понятий являются маркерами ситуации перестраивания всех несущих конструкций политической онтологии. Дискуссии о кризисе теории и новые политические реалии коррелируют с размыванием линейных политических и идеологических проектов, принципиальной негетерогенностью мира и познания, отражая непрявленность будущего и тревожность ожиданий.

Ключевые слова: политическая наука; политическая эпистемология; универсалия; критерии истинности; неопределенность.

M.M. Mchedlova

The future as apprehension (debate about the crisis of political science)

Abstract. The article considers the basic problems of political epistemology. Modern complication of cognitive procedures, the exhaustion of traditionally-effective conceptual approaches, the transformation of the meaning of universals and of political concepts indicate the reshaping of all basic structures of political ontology. The debate

* **Мchedlova Мария Мирановна**, доктор политических наук, заведующая кафедрой сравнительной политологии РУДН, главный научный сотрудник Института социологии РАН, e-mail: mchedlova@yandex.ru

Mchedlova Maria, Peoples' Friendship University of Russia, Institute of Sociology of Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia), e-mail: mchedlova@yandex.ru

about crisis theory and the new political realities correlated with the linear erosion of political and ideological projects, the principal the heterogeneity of the world and knowledge, reflecting ambiguity of the future and the anxiety of expectations

Keywords: political science; political epistemology; universal; criteria of truth; uncertainty.

«Зыбкие контуры» знакомого мира

Проблема эффективности интерпретативных возможностей политического знания становится точкой пересечения современных теоретических и общественных дискуссий. Их участники признают, что считавшиеся действенными концептуальные подходы исчерпаны, что необходимо расширить концептуально-понятийные поля современных политических теорий за счет включения новых параметров, внеположенных собственно политическому. Однако при более пристальном взгляде становится понятно, что происходящие качественные изменения социальной и политической реальности высвечивают познавательную потребность в новой логике интерпретаций и нового действенного познавательного инструментария, способного обеспечить адекватность и результативность научного поиска.

Высокий уровень неопределенности, по мнению А.И. Неклесса, ведет к тому, что «осмысление глобальной трансформации является сейчас едва ли не основным интеллектуальным занятием гуманитарного научного сообщества» [Неклесса, 2000, с. 46]. В результате «социальные, политические, экономические мутации образуют семантические конструкции, структура звеньев которых в каждом отдельном случае может быть ясна, но общий смысл остается темен, а механизм действия нередко обескураживает» [Неклесса, 2004, с. 136]. Не случайно все больше онтологическими основаниями современной политики признаются война [Хардт, Негри, 2006], страх [Дуткевич, Казаринова, 2017], риск [Бекк, 2004]. Ульрих Бек признает: «В эпоху, когда теряется вера в Бога, класс, нацию, правительство, осознаваемый и признаваемый глобальный характер угроз превращается в источник взаимосвязей, в поле которых вдруг плавают и изменяются константы и референции политического мира, казавшиеся прежде незыблемыми» [Бекк, 2004, р. 92].

Расплывающиеся параметры мира политики провоцируют всё громче звучащие заявления если не о «смерти политической

теории», то о ее «кризисе». Ускользающие от традиционных форм рефлексии параметры структур современности порождают скорее шумность, чем внятность обсуждения. Интуитивно схватываемые изменения субстанции и атрибутов социально-политического континуума создают обманчивые впечатления, более того – иллюзии исчерпанности эвристического потенциала гуманитарного знания. Эта проблема глубока и универсальна. Она относится скорее ко всему знанию, чем к отдельной области политики. Констатация данной ситуации становится ключевой посылкой знаменитой работы И. Валлерстайна «Конец знакомого мира», провозгласившей конец традиционной рациональности: «Стоящий перед нами вопрос заключается в том, является ли текущий момент каким-то особенным в свете постоянной конкуренции парадигм и их отражения в структурах знания. Я полагаю, что является. Но думаю также, что его особенности можно увидеть, лишь преодолев узкие специализации, выйдя за границы социологии и даже за пределы общественных наук. Я считаю, что мы переживаем момент, когда декартова схема, которая легитимизировала всю нашу университетскую систему и тем самым всю структуру специализаций, впервые с конца XVIII века серьезно ставится под сомнение. Мне кажется, что в ближайшие пятьдесят лет ее пересмотр приведет к масштабной институциональной реструктуризации. Пожалуй, пришла пора, когда нам всем следует обратиться к основным эпистемологическим вопросам, подлежащим обсуждению, – т.е. отвлечься от наших узких специализаций в пользу проблем, волнующих всех ученых» [Валлерстайн, 2004, с. 219]. Новый тип рациональности коррелирует с активным статусом субъекта познания, ключевая роль которого во многом заключается в формировании объекта, конструировании социальной реальности.

Интуитивное схватывание качественного видоизменения реальности корреспондирует с эпистемологическими «метавопросами»: устаревание традиционного понятийного аппарата, насущная потребность новых референций и референтов универсалий, действенность критериев истинности, размывание незыблемости дизъюнкций в конструировании знания и политическом метанарративе, крах веры во всемогущество инструментальности рационального знания, конкурирующие модели ориентиров развития, порождающие конкурирующие и альтернативные концептуальные пространства и онтологии.

На пороге новой эпистемологии

Современные трансформации и изменения в мире одноментны, нелинейны, быстротечны и всеобъемлющи: «Указатели поставлены на колеса и имеют дурную привычку исчезать из вида, прежде чем вы успеете прочитать то, что на них написано, осмыслить прочитанное и поступить соответственно» [Бауман, 2004, с. 113–114]. В социальном знании подобными указателями выступают понятия, определяющие предметные поля концептуальных построений, размывание содержания которых ведет к искажению познавательных процедур и адекватности результата. Путь «исправления имен» тяжел, но необходим.

Имманентная апостериорность гуманитарного знания (Д. Лукач) в условиях стремительно меняющейся современности обуславливает его опаздывающий характер интерпретации и, как следствие, возможность использования традиционных смыслов понятий в различных, порой диаметрально противоположных идеологических и концептуальных схемах, диверсифицируя и обесценивая как теорию, истину, мораль, так и несущие политические конструкции, метанарративы и идеалы. Традиционные понятия не объясняют происходящие изменения, делая туманной нашу рефлексию. Поскольку концептуализация феномена в гуманитарном знании происходит гораздо позже его возникновения (так, идея цивилизации родилась в глубокой античности, а само понятие возникло только в XVIII в.), то сегодняшние изменяющиеся, трансформирующиеся, исчезающие с необыкновенной быстротой референты понятий уменьшают действенность понятийного инструментария. Для преодоления данной ситуации возникают различные конфигурации, среди которых наиболее очевидны следующие три: первое – употребление понятий с атрибутивным уточнением; второе – экспансия пустых понятий; третье – популярность определения «гибридный».

Наглядным примером первого пути может служить судьба одного из основополагающих концептов политической теории – демократии, когда использование его с различными предикатами становится повсеместным: делиберативная, коммуникативная, мониторинговая, электронная, авторитарная, дутая и т.д. Только так возможно уловить сущностные изменения в организации политического структурирования общества: исчерпанность традиционного

понятия очевидна, а возникновение новых понятий для новых референтов пока глубоко сомнительно. В общей теории логики «пустые понятия» суть понятия, не содержащие элементов объема либо в силу сложившихся обстоятельств или законов природы (фактически пустые понятия); либо в силу логической противоречивости его содержания (логически пустые понятия). Манипулирование пустыми понятиями было характерно для символического политического дискурса постмодерна, однако сегодня идея из элитарного концептуального пространства стала технологией достижения политических целей: «пустыми» понятия становятся как из-за исчезновения референтов, так и из-за глобальных спекуляций и размывания непреложности бинарности «истина / ложь». Изменения референций понятий, создающих каркас концептуально-интерпретативных схем, центрирующихся вокруг данных понятий, вуалируют и диверсифицируют категориальные смыслы, как следствие, политические теории и практики, многие из которых исходят из «ничто» или конкретного целеполагания. Данная ситуация обеспечила взрыв «популярности» предиката «гибридный», функция которого состоит не только в том, чтобы совместить различные, порой несовместимые качества, но и подчеркнуть существенные отличия описываемого феномена при ограниченности традиционного познавательного инструментария.

Проблема референциальных значений основополагающих политических категорий, прежде всего универсалий, во многом определяет как направленность научного поиска, так и политическую прагматику. Проблема универсалий связывает в единый семантический узел такие фундаментальные философские проблемы, как соотношение единичного и общего, абстрактного и конкретного, взаимосвязи денотата понятия с его десигнатом, онтологического статуса идеального конструкта. К ключевым универсалиям социально-политического знания, вписанного в политический метанарратив Модерна, можно отнести категории, которые претендуют на статус универсалий. Это пространство, время, власть, государство, суверенитет, демократия, религия, культура, прогресс, разум, свобода, – во многом они нашли отражение в основополагающей идеологической парадигме прав и свобод человека. Изменение статуса этих претендующих на роль универсалий понятий перекраивает наш когнитивный каркас политической реальности, имплицитно тупанность и неопределенность и отрицая познаватель-

ные схемы, основанные на резервуаре их смыслов, определявших нормативность теорий и практик сквозь призму «образцов».

Изменение смыслов универсалии *время* влечет за собой переустройство не только ценностных конструкций и иерархий. Прерывание временной континуальности, торжество «безвременья» как имманентной характеристики политики воплощает в себе «тиранию реального времени», где то, что «есть», определяет то, что «было» и «будет», путем поглощения настоящим прошлого и будущего [Мартьянов, 2005, с. 147].

Всевластность настоящего, его возможности конструирования будущего маркируют разрыв с историчностью, потерю социокультурных координат общества. Подобная потеря исторических и ценностных координат – некой карты природного и социального мира – является основной причиной человеческой деструктивности [Фромм, 1997, с. 302–303].

Нельзя также сбрасывать со счетов совершенно новый для политической истории феномен коммерциализации политического времени, который не предполагает его объяснения. Возникает иллюзия элиминации традиционной рефлексии и апелляции скорее к психологии и «низшим жизненным паттернам». Таким образом, использование одного из ключевых мыслительных инструментов гуманитарного знания – метода аналогии – становится проблематичным, а изменение в одной глубинной основе (времени) воздействует на базовый инструмент, применяемый к другой глубинной основе – знанию [Тоффлер Э., Тоффлер Х., 2008, с. 168]. Семантический узел, состоящий из универсалий, ослабевает и объяснительные схемы теряют познавательную и смысловую эффективность.

Эпистемология центрируется на проблеме критериев истинности, смещение которых представляется трендом современной рефлексии. Проблема критериев истинности, достаточно вариативных в гносеологических контекстах в условиях современности пересекается с формированием политического поведения населения и общественных умонастроений. Э. Тоффлер предлагает шесть основных фильтров для оценки достоверности: консенсус, непротиворечивость, авторитетность, откровение, долговечность и наука. В зависимости от выбора варьируется и ответ на вопрос: «Во что люди верят?», поиск ответа на который является приоритетным для политических аналитиков и маркетологов [там же]. В данной классификации авторитетность, прежде всего персонали-

зированной – экономической, политическая, религиозная, медийная, – абсолютизируется различными политическими, экономическими, религиозными акторами, делая неопределенным будущее политики и конструируя выгодное социально-политическое пространство. Чаще всего она основывается на видимости, авторитете авторитета. Не случайно выбор критерия истинности, в нашем случае авторитета, определяет вектор и параметры политического процесса.

В рассматриваемых координатах ключевое место начинает отводиться экспертным оценкам, которые во многом определяют истинность и достоверность знания. Доверие к экспертным мнениям становится первостепенным по важности условием достоверности знаний, аргументов и интерпретаций, меняя саму суть отличия мнения и знания, конструируя и объясняя картину мира и смыслозначимые координаты политической реальности в соответствии с запросами субъектов политического целеполагания. В данном ряду находится и акцентирование прогностических свойств – прогнозы, озвучиваемые экспертами и рейтинговыми агентствами, либо основанные на определенных концептуальных подходах социально-политического развития или математических моделях, спекулирующие на авторитете науки¹.

Обращение к иным областям знания как способу обеспечения истинности теории свидетельствует о неспособности или исчерпанности казавшихся имманентными критериев. Математика с ее точными формулами только вуалирует ускользающую реальность – пытаясь зафиксировать «рябь на воде», не обеспечивает эвристическую функцию, скорее налицо ситуация круга: формулы ради формул.

Кризис методологических парадигм в совокупности с фундаментальным противоречием современного глобального мира между формирующимся «обществом знания» (М. Кастельс) и потерей им сциентистского характера девальвирует как научный инструментарий, долгое время бывший эвристически оправданным, так и критерии истинности. Сциентистская познавательная оптика

¹ Эти положения были озвучены автором в рамках пленарного доклада «Эпистемологическая проекция феномена “постправда”» на Всероссийской научной конференции «Политика постправды и популизм в современном мире» в Санкт-Петербургском государственном университете 22.09.2017.

всё более разбавляется вкраплениями из других областей, включая теологию или образные представления.

Апостериорность гуманитарного знания вступает в противоречие с постоянными и быстрыми изменениями, которые становятся фундаментальной характеристикой современности. Данное противоречие ставит под сомнение неизменную инструментальность рационального знания, что дает основание Э. Тоффлеру сравнить современное знание с «чердаком тетушки Эмили», набитым устаревшими фактами, идеями, теориями и образами. «Ускоряя перемены, мы также ускоряем темпы, с которыми знание превращается в утиль... Базы данных оказываются устаревшими уже в тот момент, когда мы заканчиваем их комплектование» [Тоффлер Э., Тоффлер Х., 2008, с. 167]. С данным положением связан такой критерий истинности, как фальсификация. Жизнеспособность теории зависит от умения своевременно и адекватно реагировать на новые реалии, от постоянной готовности «переделять теорию» [Дерлугьян, 2010, с. 9]. Более того, «теория представляется научной постольку, поскольку она может быть опровергнута, а существенный элемент прогресса – доказательство неправильности той или иной теории» [Кульпин, 1996, с. 28].

«Третья волна» принесла с собой «собственные представления о мире, со своими собственными способами использования времени, пространства, логики, причинности» [Тоффлер, 1999, с. 34], однако и они теперь опровергаются. Причем в первую очередь опровергаются «предположения, что данный принцип есть окончательное, абсолютное определение» [Гегель, 1932, с. 40]. Существует множество парадигм, но одни из них более действенны, чем другие. «Однако их действенность и полезность не остаются неизменными с течением времени, и поэтому сторонникам доминирующих парадигм не следует почитать на лаврах. Они должны ответственно относиться к любым интеллектуальным вызовам, и в случае серьезной критики переосмысливать свои фундаментальные основы» [Валлерстайн, 2004, с. 220].

Ярким примером данной ситуации служит опровержение, казалось бы, непреложного и универсального понимания прогресса как восходящего линейного развития, основанного на инструментальности человеческого разума. Возникновение в XIX – начале XX в. теории локальных цивилизаций (в различных философско-политических традициях), настаивавшей на прерывности истори-

ческого процесса и отрицавшей линейное универсальное понимание развития, можно рассматривать как эпистемологического предвестника плюрализма как принципа не только общественной и политической жизни и идеологии, но и построения рефлексии.

Место, где живут драконы

«Фундаментальный кризис классической политической эпистемы Запада, строившейся на основании таких дихотомий, как субъект – объект, цивилизованность – варварство, сознательное – бессознательность, разум – безумие, рациональность – чувственность и т.д.» [Мартьянов, 2005, с. 147], ставит вопрос о замене в теории дизъюнкции или / или на одновременность множества. Этим определяется не только появление плюральности, но и размывание бинарности «истина – ложь». Ложь становится уже не противоположностью истины, а скорее выступает легитимацией иной возможной реальности. Мультипликация возможностей предопределяет как конкуренцию множественности субъектов, так и наличие множества реальностей. Неслучайно сегодня существует множество историй, среди которых нет ни одной истинной (К. Поппер). Соответственно, возникает конкуренция различных политических субъектов и порождаемых ими идеологических и политических практик, что приводит к созданию наиболее удовлетворяющих ее запросам историй, создавая феномен «постправды».

Фиксируемый тренд ухода универсальности из мышления, отсутствие идей, сравнимых по масштабности с идеями Г. Гегеля или К. Маркса, воплощение которых было ориентиром в течение столетий, коррелирует с невозможностью создания сегодня универсальных философских или идеологических систем. Более того, в «современном мире идей действительность предстает как некое множество, которое нельзя непротиворечиво упорядочить на основе общих правил и подходов» [Кирабаев, 2010, с. 12].

Констатация принципиальной гетерогенности мира как глубинная посылка обуславливает и принципиальную множественность моделей познания, переход к иному типу рациональности с его акцентом на мозаичность и внутреннюю непривязанность восприятия и конструирования социальной реальности [McGrew, Held, 2007], а также ограничения универсальности возможностей

науки как формы познания, действенность которой становится возможной лишь в кооперации или, что еще более наглядно, в диффузии с другими областями человеческой когнитивности – от философии и теологии до образного и обыденного сознания.

Вероятно, одним из путей улавливания туманных очертаний будущего может служить принцип дополнительности В. Гейзенберга, перенесенный в область общественно-политических наук: «Одно и то же событие мы можем охватить с помощью двух различных способов рассмотрения. Оба способа взаимно исключают друг друга, но также дополняют друг друга, и лишь сопряжение двух противоречащих друг другу способов рассмотрения полностью исчерпывает наглядную суть явлений» [Гейзенберг, 1998, с. 205–206].

Расширение спектра познавательных возможностей и соединение разнородного порождает «неожиданные» конфигурации¹ интерпретаций и результатов, когда появляются новые логические цепи, аксиоматические постулаты и умозаключения, возникновение которых в познавательной логике конкретных традиционных областей науки было бы невозможным.

Уход «универсальности» мышления сопряжен с исчерпанием линейных парадигм интерпретации политического. «Размывание линейного и нормативного смыслового поля гуманитарных концептов свидетельствует о нелинейности их референтов, тогда как интерпретации последних имеют широкую вариативную шкалу, на крайних полюсах которой находятся традиционное понимание и требования современности, определившие включение в концептуальное поле философско-политических конструкций социокультурных и цивилизационных параметров» [Мчедлова, 2016]. В рамках данной тенденции «можно будет не уклоняться от решения сложной и противоречивой проблемы соподчинения стремлений к истине и благу» [Валлерстайн, 2004, с. 247].

Прогресс как универсалия западного политического метанарратива, порожденного Новым временем и Просвещением, столкнулся со становящимся гносеологически всеобщим признанием современной культурной диверсификации, включая повышение значимости символических, а не рационально-инструментальных коннотаций, актуализацию нравственного императива, основанного

¹ Данный принцип плодотворно используется отечественными исследователями В. Лапкиным и В. Пантиним.

на традиционных ценностях. Столкновения линейных нормативных и познавательных закономерностей с ценностными контекстами породили не только тревожность общественного сознания, для которого зеркало будущего оказалось мутным, но и вызвали кризис категориальных массивов и традиционно-действенных интерпретативных подходов, породив определенную растерянность внутри политического знания.

Критерии прогресса стали смысловым наполнением конфликтов: теоретических и реально-политических. Не случайно можно зафиксировать смену логики интерпретации модернизационного процесса от линейности к диверсификации и расщеплению конечного исхода на диаметрально противоположные, а также расширение концептуально-понятийного поля объяснительных схем, отталкивающихся не от институциональных, а социокультурных факторов в самом широком смысле этого слова.

Изменение политической онтологии имплицитно требует изменения политической эпистемологии и способов рефлексии. Сложившийся за долгое время способ построения гуманитарного знания столкнулся с изменениями референтных и референциальных значений категориального пространства [см.: McGrew, Held, 2007]. Сложно дающееся признание правомерности аффирмативности множества способов бытийности, квантификация и глубина альтернатив, размывание символического и логического континуума политической науки предупреждают о «незнакомом грядущем».

Список литературы

- Бауман З. Глобализация. Последствия для общества и человека. – М.: Весь мир, 2004. – 188 с.
- Валлерстайн И. Конец знакомого мира: Социология XXI века / Пер. с англ.; под ред. В.И. Иноземцева. – М.: Логос, 2004. – 368 с.
- Водопьянова Е. Концепция европейского исследовательского пространства как зеркало науки Старого Света // Свободная мысль. – М., 2006. – № 11–12 (1571). – С. 99–105.
- Гегель Ф. Лекции по истории философии // Гегель Ф. Соч.: В 14 т. – М.: Партийное издательство, 1932. – Т. 9: Лекции по истории философии, кн. 1. – 340 с.
- Некlessа А.И. A la carte // Полис. Политические исследования. – М., 2001. – № 3. – С. 34–46.

- Гейзенберг В. Физика и философия: Часть и целое / Пер. с нем. – М., 1989. – 400 с.
- Дерлугьян Г. Идеиная эволюция столетия крайностей // Эксперт. – М., 2010. – № 1[735], 27 декабря. – С. 7–10, 12–14.
- Дуткевич П., Казаринова Д.Б. Страх как политика // Полис. Политические исследования. – М., 2017. – № 4. – С. 8–21.
- Кирабаев Н.С. Кризис современности и современные проблемы философской методологии // Диалог цивилизаций и посткризисный мир / Под. ред. Н.С. Кирабаева, Ю.М. Почты, В.Г. Иванова. – М.: РУДН, 2010. – С. 63–71.
- Кульпин Э. Бифуркация Запад – Восток: Введение в социоестественную историю. – М.: Московский лицей, 1996. – 200 с.
- Мартьянов В.С. Постмодерн – реванш «проклятой стороны модерна» // Полис. Политические исследования. – М., 2005. – № 2. – С. 147–157.
- Мчедлова М.М. Социокультурные смыслы политики: Новая логика интерпретации и религиозные референции // Полис. Политические исследования. – М., 2016. – № 1. – С. 157–174.
- Неклесса А. Осмысление нового мира // Восток: Афро-азиатские общества: История и современность. – М.: Наука, 2000. – № 4 – С. 46–67.
- Неклесса А. Управляемый хаос: Движение к нестационарной системе мировых связей // XX век. – Ереван, 2004. – № 3 (5). – С. 133–151.
- Солоневич И. Народная монархия. – Минск: Луч, 1998. – 504 с.
- Тоффлер Э., Тоффлер Х. Революционное богатство. Как оно будет создано и как оно изменит нашу жизнь. – М.: АСТ, 2008. – 560 с.
- Тоффлер Э. Третья волна. – М.: АСТ, 1999. – 784 с.
- Фромм Э. Анатомия человеческой деструктивности. – М.: АСТ, 1997. – 624 с.
- Хардт М., Негри А. Множество: Война и демократия в эпоху империи. – М.: Культурная революция, 2006. – 559 с.
- Beck U. La société du risque: Sur la voie d'une autre modernité. – Paris: Flammarion, 2004. – 521 p.
- McGrew A.G., Held D. Globalization theory: Approaches and controversies. – Cambridge; Malden, Mass.: Polity Press, 2007. – 273 p.